

ХАРЬКОВСКАЯ

ГУБ.

ВѢДОМОСТИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На $\frac{1}{2}$ года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки и пересылки	8 р. 50 к.	5 р. 50 к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою въ домъ	9 " — "	6 " — "	4 " — "	(1 " 40 "
Съ пересылкою	10 " 20 "	6 " 60 "	4 " 20 "	(1 " 40 "
Цѣна отдельному номеру въ Конторѣ Редакціи	10 коп.			

Подписька принимается: а) въ Конторѣ Редакціи въ Харьковѣ, въ Конномъ переулкѣ, въ домѣ Тихоновой, и б) въ квартирахъ гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Харьковской губерніи.

При помѣщении частныхъ объявлений плата за объявление, печатаемая корпушомъ, взимается по таѣ, находящейся въ Редакціи, за занимаемое объявленіемъ мѣсто. Объявленія отъ учрежденій оплачиваются по 3 р. за столбецъ крупного шрифта, 4 р.—среднего и 5 р. мелкаго. Статьи, присыпаемые для помѣщенія въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, по усмотрѣнію Редакціи, подлежатъ сокращенію. Харьковская Губернская Вѣдомость выходитъ ежедневно.

ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫЙ НУМЕРЪ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ТЕЛЕГРАММЫ "Харьковскихъ Вѣдомостей"

ОТЪ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА.

БОГОТЪ, 26 ноября (8 декабря). * (Официально). Позиція, съ боя занятая нашими войсками 21-го ноября, охватываетъ своимъ правымъ флангомъ лѣвый флангъ турецкой позиціи у Арабъ-Конака и, находясь въ очень близкомъ разстояніи отъ софийского шоссе, угрожаетъ пути отступленія турокъ; по этому они такъ настойчиво старались отбить насъ 21 ноября и, затѣмъ, 23-го вновь атаковали нашъ правый флангъ, но были отбиты тремя баталіонами финляндцевъ и однимъ баталіономъ павловцевъ. Наша потеря 27 низкихъ чиновъ. Наши войска продолжаютъ обстрѣливать арабконакскую позицію, а турки увеличиваютъ на ней силы.

БОГОТЪ, 26 ноября (8 декабря). * (Официально). Одновременно съ атакою на Елену турки произвели демонстрацію противъ всего восточнаго нашего фланга. 22 ноября, около 6-ти таборовъ съ артиллерию наступили по османбазарской дорогѣ противъ нашей кессаревской позиціи, но не настойчиво; получивъ отпоръ, тотчасъ отступили. 23 ноября небольшіе отряды всѣхъ родовъ оружія концентрически наступали отъ Апаки, Каракаса и Анкіоя на Поломарцу и Ковачицу, но ограничились одной канонадой

противъ нашей авангардной позиціи, находящейся на дорогѣ изъ Поломарца въ Ениджеди. Послѣ перестрѣлки отъ 2 до 4 часовъ пополудни, непріятель отступилъ. Наши аванпосты заняли прежнія мѣста. 24 ноября турки снова выдвинули 5 таборовъ съ артиллерию и кавалеріей противъ Поломарца и Ковачицы, съ утра до сумерокъ поддерживали перестрѣлку съ нашимъ авангардомъ, а затѣмъ отступили. Въ этотъ-же день непріятель съ утра до 3 часовъ пополудни поддерживалъ оживленную перестрѣлку съ нашимъ кессаревскимъ отрядомъ на османбазарской дорогѣ. Кроме того, 23 ноября отрядъ нашъ, посланный на развѣдку къ Иванъ-Чифлику встрѣтился съ турецкимъ развѣдочнымъ отрядомъ; послѣ непродолжительной перестрѣлки, въ которой легко раненъ въ руку ахтырскаго гусарскаго полка ротмистръ Деламотъ и 4 низкихъ чина, нашъ отрядъ возвратился къ Пиргосу и турецкому Барбарсу.

ЛОНДОНЪ, 26 ноября (8 декабря). Агентству Рейтера сообщаютъ, что 24 ноября сербы въ значительномъ числѣ перешли границу.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 26 ноября (8 декабря). По донесенію коссовскаго губернатора сербскіе отряды появились у Явора. Въ тоже время 4-е сербскихъ чиновника, переѣхавъ границу у Сеницы, требовали объясненія причинъ присутствія турецкихъ войскъ на границѣ, и

удаленія ихъ. Въ тотъ же день произошли стычки между сербами и турецкимъ населеніемъ. По донесенію новобазарскаго команда, нѣсколько сербскихъ баталіоновъ возводятъ укрѣпленія на Яворѣ.

Въ столичныхъ газетахъ напечатаны слѣдующія телеграммы:

ПЕТЕРБУРГЪ, 25 ноября. Въ *Новое Время* телеграфируетъ изъ Вѣны, отъ 24 ноября: Порта намѣрена провозгласить священную войну; предполагается воззвавіе падишаха обнародовать между всѣми мусульманами Азіи и Африки; решеніе это принятъ совѣтомъ саповниковъ Порты въ предсѣдательствѣ султана.

БЕРЛИНЪ, 6 декабря (24 ноября). Палата депутатовъ, противъ голосовъ центра, погрессистовъ и поляковъ, отклонила предложеніе Рахтера касательно секвестрованного имущество короля Георга Ганноверскаго. Въ течение превій министръ Кампаузенъ заявилъ самимъ положительнымъ образомъ, что и движимое имущество короля Георга, подобно обращеннымъ, согласно трактату, въ процентныя бумаги пяти миллионамъ, остается неприкосновеннымъ. Министръ возвращается противъ ложнаго толкованія Виндгорста, члена центра, будто онъ, министръ, въ качествѣ вице-президента государственного министерства, давалъ когда либо объясненіе въ иномъ смыслѣ. Какъ министръ финансовъ, онъ отвергаетъ такую іезуитскую практику (*Сильный шумъ въ центрѣ. Громкія рукоплесканія левой*). Не правда, чтобъ онъ когда либо давалъ объясненіе въ другомъ смыслѣ чѣмъ онъ только что высказалъ. Въ этомъ онъ никогда не провинялся. Онъ желаетъ наступленія момента, когда бы борьба съ римскою іерархией была окончена, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ кончилась и борьба съ гвельфскою агитацией. (*Громкія рукоплесканія левой*).

* Отмѣченіемъ знакомъ * телеграммы разославы были 27 ноября городскими подписчиками отдельнымъ прибавленіемъ къ № 306 Харьк. вѣ.

Въ Journal de St.-Petersbourg, отъ 23 ноября (5 декабря) сказано:

„Мы уже сообщили о выступлении въ походъ тунисского контингента, который посаженъ на суда и долженъ, какъ говорятъ, занять позиціи на границѣ Греции, или же, по другимъ свѣдѣніямъ, расположиться гарнизономъ на островѣ Критѣ. Какъ-бы то ни было, но такъ какъ бѣй благоразсудилъ присоединить свои войска къ войскамъ султана, то консулъ агентъ, котораго Россія имѣла въ Тунисѣ и котораго она оставила тамъ при открытии войны, удалился отъ своего поста, и германскому консульству поручено охраненіе интересовъ русскихъ подданныхъ въ регентствѣ“.

Городскія происшествія. 26 ноября въ 9 ч. вечера, былъ поднятъ на воскресенской улицѣ, около дома Велитченко, въ бѣзъненномъ состояніи, отставной унтеръ офицеръ Яковъ Кречетниковъ, 57 лѣтъ. Большой тогчась же былъ отправленъ на извозчикѣ въ больницу харьковскихъ богоугодныхъ заведеній, но не дѣжалъ Сабурской дачи она умеръ.

ИЗЪСТІЯ СЪ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

— Вотъ еще подробности о взятіи Зеленыхъ Горъ, передаваемыя корреспондентомъ *Нового Времени*:

„Скобелевъ точно ожидалъ, когда въ Брестовѣ было получено изъ главной квартиры приказаніе занять первый краjkъ Зеленыхъ горъ и укрѣпиться на немъ. Впередъ уже взвѣшено все, обдуманы подробности боя, приваты мѣры къ наименьшей по возможности потерѣ людей. 27-го октября вечеромъ написана диспозиція, которую утромъ сообщили начальникамъ частей, назначенныхъ на 28-е для атаки турецкихъ позицій. Нѣсколько ночей уже стоялъ густой туманъ; ожидали, что и завтра будетъ то же самое. Именно этимъ хотѣли воспользоваться. Экспедицію поручали полковнику Мельницкому, о которомъ я уже висалъ ранѣе. Скобелевъ сначала хотѣлъ остатся при резервахъ, но какъ я думалъ, такъ и случилось, т.-е. въ самомъ началѣ атаки, генералъ бросился впередъ и самъ повелъ наступленіе.

„Приготовленія къ дѣлу начались съ утра. Чистили ружья, перевозили поблизу къ батареямъ снаряды, собирали какъ можно болѣе шандровыхъ инструментовъ, солдаты перемѣнили, по стародавнему обычаяю, бѣлье, надѣвали на себѣ все, что имѣли лучшаго. Начальники обходили свои части, приготвляя ихъ къ не совсѣмъ обычному бою, ночному, потому что въ пять часовъ здѣсь уже было темно. Большинство солдатъ были новички, только-что приведенные изъ Россіи для укомплектированія потерпѣвшихъ дивизіи. За сутки съ собой боялись особенно. Думали, что не держкъ стрѣлковой цѣли переколоть не выдержать непривычного огня, уѣзжали ихъ быть стойкими и слѣдоватъ за никовъ, этихъ завѣдомо отчаянныхъ лю-

своими командирами. Въ офицерахъ оказывался большой недочетъ, потому что убыль между ними еще не была пополнена, да и пополнить ее не изъ чего. Это особенно смущало Скобелева. „Ахъ, гдѣ тѣ, съ которыми я бралъ Ловецъ и плевнинские редуты?“ поминутно повторялъ онъ... Большинство ихъ лежитъ уже въ чужой землѣ, другое томится въ лазаретахъ—надѣко кто возвратился: или раны еще не залѣчены, или послѣ ампутаций пришло вернуться на родину калѣкой. Многіе изъ нихъ офицеровъ были еще вновѣ, ихъ Скобелевъ не зналъ вовсе; на оставшихся старыхъ боевыхъ товарищахъ смотрѣлъ съ сожалѣніемъ. Первые пойдутъ въ бой, показывая примѣръ, —первыми, разумѣется, и лягутъ. Стороны, въ Брестовѣ и лагеряхъ, не было замѣтило ничего особеннаго. Также цѣлыі день играла музыка, а въ углѣкомъ полку съ утра заливался хоръ пѣсенниковъ.... День начался холодный, сырой и мрачный....

„Въ четыре часа генералъ выѣхалъ изъ Брестовца, по своему обыкновенію, одѣтый съ иголочки, красивый, свѣжій, раздущенный. Тонкая фигура его набѣлой лошади дѣйствительно производила сильное впечатлѣніе въ этотъ сѣрый день, когда кругомъ до такой степени густился туманъ, что въ ста шагахъ деревня казалась какими-то смутными пятнами, точно тамъ еще гуще лежала мгла. Скобелевъ для меня составлялъ загадку. Неужели въ этой желѣзной груди нѣть мѣста страху, опасеніямъ, тоскѣ, охватывающей каждого передъ боемъ? Я обратился къ нему съ прямымъ вопросомъ.

— Жутко, разумѣется. Не вѣрьте, что скажетъ вамъ иначе.

— Знаете,—продолжалъ онъ потомъ, —теперь не время разсуждать, критиковать, отчаиваться... Умирать надо,—и мы умремъ съ радостью, лишь бы не срамили Россію, лишь бы высоко держали ея знача... Хорошо умереть за свою родину... Нѣть смерти лучше этой.

„Въ сѣрой мглѣ—какія-то темнныя массы. Подѣзжаемъ ближе—бараки-землянки, стоги сѣна... Передъ ними стоять въ боевомъ порядкѣ роты и батальоны... Видишь только переднихъ, позади все уходитъ въ туманъ. Лишь бы не заблудиться, а то погода самая благоприятная. Можно подойти на сто шаговъ къ непріятелю незамѣченными, броситься на ура и еще двадцать шаговъ пробѣжать до первого залпа оторопѣвшихъ турокъ. А въ восемьдесятіи—ихъ пули уже менѣе грозны, всѣ полетятъ надъ головами. Отъ нихъ больше вреда будетъ дальнѣмъ резервамъ, чѣмъ атакующимъ частямъ. Прямо передъ нами взвѣдь охотниковъ, съ поручикомъ Тасиціемъ для укомплектированія потерпѣвшихъ дивизіи. За сутки въ турецкіе шансы, и при поднихъ боялись особенно. Думали, что не держкъ стрѣлковой цѣли переколоть не выдержать непривычного огня, уѣзжали ихъ быть стойкими и слѣдоватъ за никовъ, этихъ завѣдомо отчаянныхъ лю-

дей,—и ничего въ нихъ суроваго, грознаго, воинственного: простыя, сѣрыя, солдатскія лица, нѣкоторыя съ наивной улыбкой, всѣ—довѣрчивыя... Охотники вытянулись, провожаютъ глазами генерала. Одинъ старается особенно,—а на смерть идетъ... Видимо хочется ему, чтобы на выправку его вниманіе обратили. Скобелевъ гладить его по лицу,—создатикъ вполнѣ доволенъ. Генераль пробѣжаетъ по рядамъ, разговариваетъ съ ротами, именно не рѣчи произноситъ, не ораторствуетъ, а разговариваетъ.

— Ну, что, братцы... Какъ пойдетъ сегодня?..

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Не осрамитесь?..

— Зачѣмъ-же... Мы рады, ваше превосходительство...

— Помните, братцы, одно—не зарываться. Мы не Плевну брать идемъ, а только выбить турокъ изъ ихъ траншеи и занять ее... Понали?.. Слѣдовательно, дорветесь вы до траншеи и садитесь туда...

— Постараемся...

— Ну то-то...,помните, что тутъ не въ храбрости, а въ послушаніи дѣло. Сказаль тебѣ начальникъ: „стой“,—такъ, хоть и желалось бы погнать непріятеля дальше,—ни съ мѣста.. А турокъ бояться нечего...

— Мы ихъ не боимся.

— Ну то-то... Помните Ловецъ, какъ мы ихъ били?

— Помнімъ, ваше п—ство! бодро звучитъ изъ рядовъ.

— Помните, какъ погнали ихъ, а?...

— Они отъ насъ тогда всей ордой побѣжали, отзывается улыбающейся солдатъ.

— Ты былъ тогда со мною... Изъ старыхъ, должно быть?

— Я съ вѣшимъ п—зомъ и редуты эти самые подъ Плевной бралъ.

„Скобелевъ только тяжело вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Ну вотъ, братцы, видите. Дѣло не трудное. Разъ уже мы эту Зеленую гору брали... Наша била...

— И опять будетъ, ваше пр—во.

„Бесѣда, похожая на эту, повторялась въ каждомъ батальонѣ. Скобелевъ упоминалъ своихъ старыхъ боевыхъ товарищахъ, припоминалъ съ ними прежнія атаки, просилъ солдатъ не забывать, что сегодняшнее дѣло не нападеніе на Плевну, а только занятіе ближайшихъ турецкихъ позицій...

— Знаете, я ужасно боюсь за молодыхъ солдатъ, обращается къ намъ Скобелевъ.—Очень ужъ рискованное дѣло... Ночное, въ туманѣ. Тутъ и старому, если онъ не привыкъ, можно растеряться. Я не останусь, какъ хотѣлъ, въ резервѣ, а самъ поведу ихъ... Ахъ, если бы здѣсь были туркестанскія войска!..

„Турецкія позиціи не болѣе какъ въ четырехстахъ шагахъ впереди. Мы тревожно взглядываемъ въ непроницаемую мглистую даль, съ бьющимся сердцемъ

ждемт — вотъ-вотъ грянетъ оттуда первый выстрѣль чуткаго часоваго, вси линія непріятельскихъ траншей и ложементовъ одѣнется негаснущими молвіями залповъ и подъ градомъ пуль, съ глухими стонами, направо и налево, впереди и позади станутъ падать въ этихъ не-подвижныхъ еще толпахъ безотвѣтные солдаты. На насъ могутъ наткнуться разъездъ или секретъ непріятельской. Еще вѣсколько милють, — и присутствіе нашего отряда уже не будетъ тайной...

„Скобелевъ останавливается передъ полками, снимаетъ фуражку и крестится... Точно шелестъ проносясь въ воздухѣ — крестятся офицеры и солдаты. Каждый читаетъ про себя молитву... каждый уходитъ въ самого себя...

— Стройся!... тихо звучить команда и длинная цѣнь стрѣлковъ вѣромъ разбрасывается впереди... На лицѣ у Скобелева уже нѣтъ грусти, нѣтъ раздумья. Въ глазахъ энтузіазмъ, голосъ звучить металлическими тонами; онъ уже впереди, красава фигура его мелькаетъ далеко передъ цѣпью...

Въ цѣпь пошла третья рота девятаго стрѣлковаго батальона, подъ командою капитана Домбровскаго. Спустя два часа, его уже не стало въ живыхъ. За цѣпью сокнутыми кучками шли, партія охотниковъ въ пятьдесятъ человѣкъ и поддерживавшій ее взводъ. По флангамъ наступающей цѣпи шли три роты того же стрѣлковаго батальона подъ командою его начальника, туркестанца Меллера-Закомельскаго. Цѣпи было прак-зано идти до маленькихъ турецкихъ ложементовъ и залечь въ нихъ, когда занимающіе эти ровники аванпосты непріятеля отступятъ въ свою траншею. Тутъ уже должна начаться роль охотниковъ и поддерживавшаго ихъ взвода съ фланговыми ротами. Изъ-за цѣпей охотники должны были кинуться впередъ, выбить турокъ и занять ихъ траншею. Позади слѣдовало залечь тремъ ротамъ стрѣлковъ на всякий случай. Все это было разъяснено до малѣйшихъ подробностей, потому что едва-ли въ этотъ туманъ части могли видѣть одна другую.

Цѣпь тихо двинулась впередъ за Скобелевымъ. Фигура генерала все больше и больше уходила въ туманъ... Скоро мгла окутала и черныя черточки разсыпавшихъ стрѣлковъ. Стало смеркаться, но ночь еще боролась съ сѣрымъ моревемъ...

— Слава Богу! турки не замѣчаютъ нашего отряда... Я начинаю вѣрить, что дѣло обойдется безъ большихъ потерь, шепчетъ кто-то около... Но какъ разъ въ эту минуту будить окрестность не-увѣренный, одиночный выстрѣль турецкаго часоваго. Мгновеніе полного безмолвія... Сердце щемитъ... Другой выстрѣль — съ другой стороны... Третій... но всѣ въ разбродъ... Вотъ завязывается трескотня направо... но только съ одной стороны... Наші не отвѣчаютъ... По звуку выстрѣловъ, по интерваламъ, по одиночности ихъ, видно, что турки еще не знаютъ въ чемъ дѣло, а только на-

сторожились, почуяли что-то такое... Точно люди стрѣляютъ не споряча, не желая предупредить противника огнемъ, а прислушиваясь и еще не отдавая себѣ отчета, куда и зачѣмъ они посылаютъ свои молніи...

— Наши подошли, должно быть, уже близко.

— Не видать... Впереди сѣрий неясный туманъ...

— О, Господи! раздается чѣ-то вздохъ позади.

„Выстрѣлы все еще въ перемежку.

— Ребята, за мной!.. съ одного конца до другаго гремѣть въ туманѣ металлическій голосъ Скобелева, покрываемый общимъ „ура“ атаки, оглушающимъ грохотомъ словно разомъ вси-хнувшихъ залповъ непріятеля и раскатомъ барабановъ... Мы ничего не видимъ, но первые выстрѣлы уже обдали резервы горячимъ градомъ пуль... Нѣсколько стоповъ замерло въ общемъ стихійномъ шумѣ незримой атаки. Отдаемъ коней казакамъ и двигаемся впередъ. Ничего на пути. Свищутъ пули, доносится отголосокъ бигвы... Вонъ что-то выдѣлилось изъ тумана. Ближе и ближе... Раненый въ ногу солдатъ идетъ назадъ, опираясь на ружье... Кто-то около корчится на землѣ...

— Батюшки, не оставьте... Не бросьте, голубчики...

„На правомъ флангѣ ведеть атаку полковникъ Мельницкій, на лѣвомъ капитанъ Курапаткинъ. Иной разъ сквозь грохотъ битвы мы слышали ихъ одушевляющіе голоса. Позади нагоняютъ настъ десять ротъ владимирскаго полка, идущаго подъ огнемъ рѣть траншею....

— Куда проѣхать на батарей? раздается въ туманѣ.—О, чортъ вѣсъ возьми!. Да откликайтесь же, наконецъ, кто-нибудь... Какъ къ батарею проѣхать?!—кричитъ кто-то. Фигура всадника на минуту вырѣзывается изъ тумана и пропадаетъ уже позади... Скобелевъ послалъ приказаніе батареямъ залпами начать артиллерійскій огонь противъ турокъ...

„Стрѣлковая цѣль сдѣлала свое дѣло. Она выбила турецкіе аванпосты изъ нѣсколькихъ ложементовъ, которые едва можно было различить въ густомъ туманѣ и сумракѣ осенней ночи. Къ счастью, какъ только маленькие ложементы были захвачены цѣпью, изъ за нихъ выдвинулась партія охотниковъ и поодаль отъ нея взводъ резерва. Всего ихъ было по пятидесати человѣкъ въ каждомъ. Охотники бросились на непріятельскую траншею и въ первый моментъ одинъ крикомъ ура выгнали оттуда турокъ. Оставшихся прикололи, потому что при сравнительной слабости партіи очень опасно было братъ въ плѣнѣ. Выбѣжавъ изъ своего закрытія, турки бросились въ разсыпную. Позади атаковывавшихъ частей, т. е. стрѣлковой цѣли, партіи охотниковъ и взвода резерва, двигалось десять ротъ владимирскаго пѣхотнаго полка. Онѣ не должны были принимать участія въ наступленіи, но тѣмъ

не менѣе роль ихъ была въ высшей степени серьезна. Снабженные каждый солдатъ шашевымъ инструментомъ, они должны были какъ можно скорѣе вырѣть траншею, на томъ мѣстѣ, которое еще ранѣе боя было опредѣлено на планѣ, какъ крайній пунктъ нашихъ будущихъ позицій. Траншея должна была вырости на глазахъ. И тутъ-то началась роль полковника Мельницкаго. Онъ — старый боевой офицеръ, потому что вмѣстѣ съ немцами продѣлалъ всю франко-прусскую войну. Скобелевскому отряду онъ оказывалъ до сихъ поръ и сдѣлалъ потомъ значительныя услуги. Какъ онъ остался цѣль, — я не понимаю. Цѣлый недѣли Мельницкій не выходилъ изъ огня, не выходилъ и теперь. Для такой работы нужно здоровье жѣлѣзное. Разъ онъ не сдалъ поръ-рядъ восемь ночей, а днемъ въ это время ему удавалось засыпать на полчаса, на часъ, не больше. Мельницкій лично привелъ десять ротъ, разставивъ ихъ въ одну шеренгу по всей линіи будущей траншеи и въ то время какъ охотники съ своимъ резервомъ, бывшіе впереди, изъ наступленія перешли въ оборону и уже въ свою очередь залпами отбивались отъ атакующихъ таборовъ турокъ, неистово стремившихся отнять назадъ важную позицію первого кряжа Зеленыхъ горъ, владимирцы нервно, быстро работали лопатами, съ каждою минутою все выше и выше, возводя передъ собою спорый окопъ бруствера. Турки ихъ въ свое время буквально осыпали свинцовыми дождемъ. По яркой линіи огня въ эту мглистую тьму, прорѣзыавшагося впереди, они видѣли, что въ наступленіе перешли значительныя силы враговъ. Пули поражали людей, съ злобнымъ шипѣніемъ уходили въ рыхлую массу свѣжаго окопа, жужжа точно пчелы, носились у самыхъ ушей, сливая свои разнообразные звуки съ глухими стонами раненыхъ и пронзительными воплями турецкой атаки,— а работа все-таки шла, не переставая. Никто не отыхалъ, никто ни на минуту не оставлялъ лопаты. Многія работавшія шеренги — не прерывались ни на одномъ мѣстѣ. Только откуда нибудь раздавался стонъ, и солдатъ, только-что захвативши лопатою комъ земли, надаль въ толпѣ, или въ вырытую имъ яму, — на его мѣсто сейчасъ же выдвигался новый, жертву боя санитары уносили назадъ и работа опять шла упорно, безотходно... Впереди работавшихъ, не забываясь никакъ о собственной безопасности, наблюдали полковникъ Мельницкій и подполковникъ Сасский. Черезъ часъ турецкая атака была такъ сильна, что казалось воздухъ былъ раскаленъ отъ этого сплошнаго дождя горячаго свинца; на право и на лѣва, впереди и позади падали такія густыя массы, что на этомъ пространствѣ трудно было держаться чѣму нибудь живому, героизмъ и сила сдѣлали свое дѣло. Пока проходилъ этотъ часъ, окопъ росъ, а въ моментъ самаго ожесточеннаго огня, брустверъ новой траншеи поднялся

уже такъ высоко, что затомившися владимирцы могли, сложивъ свои лопаты, прислониться къ нему и отдохнуть въ полной безопасности. Дѣло было сдѣлано, позиція для насъ спасена... Уже въ эту часъ, хотя было въ началѣ, мы могли торжествовать побѣду...

Между тѣмъ нашъ артиллерийскій огонь тоже дѣлалъ свое дѣло. Съ батареи праваго и лѣваго фланговъ у Брестовца, съ Радищевскихъ и Тученицкихъ, съ Трнина и Медована громились турецкія позиціи. Казалось, что въ эту сѣрую ночь — въ ея сумракѣ и туманѣ цѣлый адъ открылъ свои огнедышущія жерла.

„Уже черезъ часъ, когда насыпь была почти готова, отъ охотниковъ приѣзжали назадъ сказать, что у нихъ мало осталось патроновъ. На мѣстѣ была организована доставка ихъ; все время оставался боѣ, десять, пятнадцать человѣкъ проползали въ тѣмѣ, отъ строившейся траншеи на огни турецкихъ залповъ, отыскивали впереди нашихъ охотниковъ, снабжали ихъ патронами и также подзкомъ возвращались назадъ за новыми запасами. Благодаря этому, почти всю ночь продолжалась перестрѣлка, не ослабѣвая, огонь поддерживался неустаннымъ и туркамъ ни разу не дали подойти слишкомъ близко къ отнятой у нихъ высотѣ. Картина нашего расположенія въ этотъ моментъ представилась въ слѣдующемъ видѣ:

„Впереди, далеко впереди въ небольшихъ ложементахъ чуть ли не лицомъ къ лицу съ непріятелемъ залегли охотники, сѣвшіе въ сплоченныхъ таборахъ наступающаго врага смерть и ужасъ. Позади лежала стрѣлковая цѣнь, выбивая турокъ черезъ головы охотниковъ. Еще далѣе за стрѣлковою цѣнью перерѣзывалъ высоту свѣжій валъ траншеи, состоявшей теперь изъ трехъ частей. Право-фланговая находилась уже подъ командаю смѣлага и способнаго офицера Маневского, среднею распоряжался тоже выдающійся сотрудникъ Скоболева — Нечаевъ. Лѣво-фланговая еще работала подъ присмотромъ Мельницкаго, уже загибаюсь назадъ, чтобы представить оплотъ противъ фланговой атаки турокъ. На правомъ флангѣ намъ не нужно было дѣлать этого, потому что траншея Маневского опиралась въ нашъ Радищевский оврагъ. Между траншеями Нечея и Маневского прорывалась назадъ къ нашимъ резервамъ соединительная траншея седьмою и восьмою ротами владимирскаго полка, двѣнадцатая же рота начинала уже рѣть такую же соединительную траншею оттуда, где кончалась траншея Нечея и начиналась лѣво-фланговая. Первая соединительная траншея была уже доведена до небольшаго резервнаго отряда, поставленнаго тамъ, гдѣ Радищевскій оврагъ дѣлаетъ загибъ къ западу, на склонѣ. Нѣсколько далѣе этого резерва расположились остальные части владимирскаго полка, выдвинувъ на нашъ лѣвый флангъ

стрѣлковую роту подъ начальствомъ отличного туркестанскаго служаки Спопатьбека, о которомъ послѣ придется сказать нѣсколько словъ. Далѣко назади на правомъ флангѣ, уже за Радищевскимъ оврагомъ, стояла наготовѣ шуйской полкъ“.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТИЯ.

— Въ Москву 23 ноября былъ сильный пожаръ въ каменномъ трехъ этажномъ домѣ почетнаго гражданина Торлецкаго, выходящемъ на Кузнецкій мостъ, Рождественку и Софійку. Въ второмъ этажѣ этого дома помѣщалась типографія Гатцука, гдѣ и вспыхнуль пожаръ, какъ полагаютъ, отъ упавшей съ потолка керасиновой лампы. Лампа упала на груду бумаги и потому пламя быстро охватило типографію и перешло въ третій этажъ дома, къ счастію, почти пустой. Въ этомъ этажѣ занимала квартиру одна только крестьянка Марея Косенкова. Весь второй и третій этажи дома выгорѣли со всѣмъ находившимся въ нихъ имуществомъ. Въ тушеніи пожара принимали участіе пожарныя команда семи частей и пожарнаго депо. Пожаръ начался съ 8 часовъ утра и окончательно прекращенъ лишь къ 9 часамъ вечера. Убытку отъ этого пожара понесено всего на 196,780 р. Въ томъ числѣ: владѣльцемъ типографіи г. Гатцука (типографія и имущество его застрахованы въ страховомъ обществѣ „Якорь“ въ 30.000 р.), понесено убытку на 60.000 р., Косенковою на 1.600 р., рабочими при типографіи Гатцука отъ сгорѣвшаго платя на 280 р., московскимъ купцомъ Богдановымъ, у которого въ типографіи сгорѣло 1.600 экземпляровъ романа *Обманъ сердца*, на 1.000 р. Имущество рабочихъ и экземпляры романа, принадлежавши Богданову, не были застрахованы, имущество же Косенковой застраховано было въ 1.600 руб. во 2-мъ россійскомъ страховомъ обществѣ. Затѣмъ, владѣльцами помѣщавшимися въ первомъ этажѣ дома подъ типографіей Гатцука магазиновъ, отъ порчи товара пожарными, понесено убытку: купцомъ Трешиннымъ (мѣховой магазинъ, застрахованъ въ Обществѣ Саламандра въ 75.000 р.) на 75.000 р., купцомъ Бернгардомъ (табачный магазинъ, застрахованъ въ Русскомъ Стараховомъ Обществѣ въ 15.000 р.) на 13.000 р., торговымъ домомъ К. С. Попова (чайный магазинъ, застрахованъ въ Обществѣ „Якорь“ въ 5.000 р.) на 5000 р., проживавшимъ въ расположенныхъ около типографіи Гатцука меблированныхъ комнатахъ дворяниномъ Максимовымъ, имущество коего застраховано было въ С.-Петербургскомъ Стараховомъ Обществѣ въ 1.050 р. на 500 р. и домовладѣльцемъ, домъ коего застрахованъ въ Стараховомъ Обществѣ „Саламандра“ въ одинъ миллионъ р., на 40.000 р.

При тушеніи пожара, поль третьаго этажа дома обрушился виѣсть со сто-

явшими на немъ двадцатью пожарными, но они упали такъ счастливо, что отдѣлились лишь незначительными ушибами, и только одинъ изъ нихъ отправленъ въ мѣстный пріемный покой со значительной раной на правой сторонѣ головы. Кроме того, при сбрасываніи съ крыши желѣза, ушибъ пожарный служитель и во время пожарной суматохи въ типографіи Гатцука при началѣ пожара упалъ съ антресолей типографій ученикъ, получившій при этомъ ушибы.

На пожарѣ присутствовалъ московский генераль-губернаторъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТИЯ.

— Газета „Times“ вполнѣ довольна отвѣтомъ, который далъ лордъ Дерби представлявшейся ему депутациіи туркофиловъ. „Объясненія лорда Дерби—говорить названная газета—служать, по нашему мнѣнію, окончательнымъ и рѣшительнымъ отвѣтомъ на воинственные крики, раздававшіеся противъ Россіи и въ пользу Турціи; слова его вполнѣ удовлетворяютъ большинство его соотечественниковъ. Мы не можемъ не радоваться тому, что статья-секретарь иностраннѣй дѣлъ рѣшительно высказалась въ пользу мира въ то именно время, когда офиціозные друзья правительства проявляли войну“. „Times“ подробно разбираетъ всѣ пункты отвѣта лорда Дерби и особенно долго останавливается на опасности, угрожающей будто-бы Индіи. „Индія останется за нами до тѣхъ порь замѣчаетъ „Times“, пока мы владычествуемъ на морѣ; если-же мы утратимъ наше морское могущество, то обладаніе долиною Евфрата принесстъ намъ еще менѣе пользы, чѣмъ обладаніе суэзскімъ каналомъ. Евфратская долина, какъ путь въ Индію, лишена значенія для всякой державы, въ рукахъ которой не находится персидскаго залива. До тѣхъ порь пока мы можемъ запереть этотъ узкій выхѣдъ, движеніе русской арміи противъ нашихъ индійскихъ владѣлій по долинѣ Евфрата будетъ сопряжено съ такими же препятствіями, какъ и по сахарской пустынѣ“.

Время прихода и отхода желѣзно дорожныхъ поѣздовъ.

	Скорый.	Почтовый.
Приходить въ Харьковъ:		
Изъ Курска .	2 ч. 39 м. дня	11 ч. 31 м. поч.
— Таганрога .	2 ч. 19 м. дня	7 ч. 24 м. утр.
— Полтавы .	3 ч. 52 м. дня	6 ч. 4 м. утр.
Отходить изъ Харькова:		
Въ Курскъ .	4 ч. 34 м. дня	8 ч. 14 м. утр.
— Таганрогъ .	4 ч. 24 м. дня	12 ч. 52 м. поч.
— Полтаву .	3 ч. 14 м. дня	1 ч. 14 м. поч.

Редакторъ УСТИНОВЪ

Харьковъ. Печатано въ Тип. Губ. прав.